

И. А. Завадская

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
Симферополь, Россия*

ФИГУРАТИВНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ ХЕРСОНЕСА

Росписи одиннадцати раннехристианских склепов Херсонеса, воссоздававших картину райского сада, соответствуют традициям позднеантичного искусства. Фигуративные изображения встречаются в них очень редко и не все они были должным образом интерпретированы. Сохранившиеся на стенах трех склепов (1853/1905 г., 1909 г. и в так называемом склепе на земле Н. И. Тура) изображения одиночных мужских фигур имеют важное значение для определения времени и путей проникновения данной художественной традиции в раннехристианский Херсонес. Сравнительный анализ погребальных росписей, происходящих из разных регионов Восточной Римской империи, позволяет определить функциональную нагрузку упомянутых мужских изображений в росписи этих склепов и объяснить их происхождение в раннехристианских погребениях. Судя по сохранившимся фрагментам, все три фигуры юношей похожи между собой по одежде и позе. Вероятно, все они держали в руках горящую свечу, изображение которой сохранилось только в склепе 1909 г. Данные изображения сопоставимы с фигурами слуг из ряда гробниц, обнаруженных на территории Балкан, Малой Азии, Северной Африки и Леванта. Внешне наиболее близкими херсонесским юношам являются образы слуг-мужчин из гробниц на территории Болгарии и Сербии. Приведенные в статье аналогии позволяют интерпретировать фигуры юношей в трех склепах Херсонеса как изображения слуг, образы которых были широко распространены в античном искусстве и использовались также в погребениях христиан до конца IV в. н. э. Появление этих фигур в росписях Херсонеса скорее следует связывать с восточно-балканской художественной традицией.

Ключевые слова: Херсонес Таврический; Восточная Римская империя; Фракия; раннехристианские погребальные росписи; образы слуг

Благодарности

Статья выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № FZEG-2020-0029 по теме «Влияние Византийской империи на исторические процессы в средневековом Крыму».

Цитирование: Завадская И. А. Фигуративные изображения в раннехристианской погребальной живописи Херсонеса // Античная древность и средние века. 2021. Т. 49. С. 38–54. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.003>

Поступила в редакцию: 11.07.2021

Принята к печати: 11.10.2021

Irina A. Zavadskaya

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

FIGURATIVE IMAGES IN THE EARLY CHRISTIAN FUNERAL PAINTINGS OF CHERSONESE

The paintings of the 11 early Christian burial vaults of Chersonese uncovering the image of the Garden of Eden fully correspond to the traditions of the Late Antique art. There figurative images are very rare, and not all of them have been interpreted properly. Single man's figures preserved in the painting of three vaults (of the years 1853/1905, 1909 and in the vault on N. I. Tur's land) are of particular interest for the determination of the time and ways of penetration of this artistic tradition into early Christian Chersonese. A comparative analysis of funeral paintings from different regions of the Eastern Roman Empire makes it possible to determine the function of the mentioned images of men in the painting of these tombs and to explain their origin in early Christian burials. According to the fragments that survived, all three figures of young men are very similar in dress and posture. Probably, they all held a burning candle in the hands, the image of which survived only in the vault of the year 1909. These images are comparable to the figures of servants from a number of tombs discovered in the Balkans, Asia Minor, North Africa, and Levant. The young men from Chersonese are most close to the images of male servants from the tombs in Bulgaria and Serbia. From the analogies given in this paper there are reasons to interpret the figures of young men in the three vaults of Chersonese as images of servants. Figures of servants were widespread in ancient art and also in Christian burials to the end of the fourth century. Most likely, these figures appeared in the paintings of Chersonese under the influence of the Eastern Balkan artistic tradition.

Keywords: Tauric Chersonese; Eastern Roman Empire; Thrace; early Christian funeral paintings; images of servants

Acknowledgements

This paper was carried out in the framework of the state assignment no. FZEG-2020-0029 *The Byzantine Empire's Influence on Historical Processes in Mediaeval Crimea* supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

For citation: Zavadskaya, I. A. (2021). Figurativnye izobrazheniia v rannekhris-tianskoi pogrebal'noi zhivopisi Khersonesa [Figurative Images in the Early Christian Funeral Paintings of Chersonese]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka*, 49, 38–54. <https://doi.org/10.15826/adsv.2021.49.003>

Submitted: 11.07.2021

Accepted: 11.10.2021

Введение. Среди наиболее ранних христианских памятников Херсонеса Таврического самыми известными и неизменно привлекающими внимание специалистов являются полихромные росписи одиннадцати склепов, находящихся на разных участках городского некрополя. Подробное описание и научный анализ восьми из них, открытых в начале XX в., составили отдельный раздел в монографии М. И. Ростовцева, ставшей хрестоматийным изданием и, учитывая утрату большинства из этих памятников, главным источником информации о них¹. М. И. Ростовцев впервые указал на общность стиля и декоративной системы росписи этих склепов, считая их «одним неразрывным целым». Он не сомневался в их христианской принадлежности и относил время их появления ко второй половине IV в. Еще три склепа с очень близкой по стилю росписью открыты в 1998–1999 и 2003–2006 гг.²

Практически во всех склепах, в которых живописный слой на момент фиксации сохранился относительно полно, прослеживается достаточно четко соблюдаемая декоративная система, объединяющая имитацию мраморной облицовки в нижней части стен и расположенные сверху в разных сочетаниях изображения деревьев, цветов, виноградной лозы, растительных гирлянд, плодов и птиц, которые создают в совокупности картину райского сада. Подобная декоративная система, а также ее элементы были чрезвычайно популярны в позднеантичном искусстве и получили широкое распространение в областях, находившихся под влиянием греко-римской художественной традиции. Растительные мотивы и мраморировка достаточно часто использовались в качестве фона для фигуративной живописи, представленной как отдельными персонажами, так и многофигурными мифологическими и библейскими сюжетами. В росписи же херсонесских склепов основной темой является райская декорация, зачастую в сочетании с мраморной инкрустацией, тогда как изображения людей встречаются крайне редко. По словам М. И. Ростовцева, в этих росписях «человеческая фигура почти совершенно исключена из области изображений»³.

Тем не менее, образы людей сохранились в трех склепах Херсонеса. По одной мужской фигуре было в склепах 1853/1905 г., 1909 г.

¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Т. 1 : Описание и исследование памятников. СПб., 1914. С. 449–507.

² *Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000. С. 144–154. *Ступко М. В., Туровский Е. Я., Филиппенко А. А.* О судьбах расписных склепов первых христиан Херсонеса // *Sacrum et Profanum III*. Небесные патроны и земные служители культа. Севастополь, 2007. С. 189–192.

³ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 486.

и в склепе на земле Н. И. Тура. Последний склеп украшала также сюжетная композиция с изображениями мужчины и женщины⁴. Если в отношении данной композиции высказано немало мнений и предложены различные интерпретации, то одиночные мужские изображения долгое время оставались без особого внимания исследователей, а их роль в росписи склепов не получала должного объяснения. Между тем, данные изображения представляют особый интерес для определения времени и путей проникновения позднеантичной художественной традиции погребальной декорации в этот отдаленный центр раннехристианского мира.

Методы. За сто лет, минувших после издания классического труда М. И. Ростовцева, открыто и опубликовано достаточно большое количество памятников с погребальной росписью из разных регионов греко-римского мира. Их изучение позволяет в определенной степени проследить развитие позднеантичной и раннехристианской погребальной живописи, ее отдельных мотивов и сюжетов, выявить особенности, характерные для разных областей, и найти наиболее близкие аналогии херсонесским росписям. Сравнительный анализ этих памятников дает возможность интерпретировать смысл многих изображений в росписи склепов Херсонеса, в частности, определить функциональное назначение упомянутых мужских образов и интерпретировать их появление в раннехристианских погребениях.

Анализ. *Склеп 1853/1905 г. (№ 2114)* впервые открыл граф А. С. Уваров в 1853 г. около загородного крестообразного храма на южном некрополе Херсонеса. Детальное исследование фресок было проведено в 1905 г.⁵ К. К. Косцюшко-Валюжиничем по просьбе М. И. Скубетова, который подробно описал остатки живописи и сделал рисунок росписи правой стены и потолка⁶. В 1911 г. М. В. Фармаковский снял копии всех

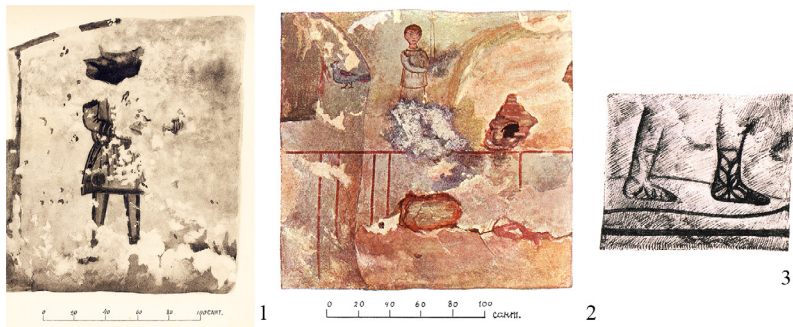
⁴ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... 1914. С. 454–455, 468, 474–478.

⁵ В монографии М. И. Ростовцева годом повторного изучения склепа назван 1904 г., который указывается и в названии склепа: «склеп 1904 (1853) года» (Там же. С. 453–458, 506–507). В дальнейшем, следуя М. И. Ростовцеву, все исследователи, включая автора данной статьи, упоминали именно этот год в истории и названии склепа. Однако в действительности этот склеп под № 2114 исследован К. К. Косцюшко-Валюжиничем в 1905 г., о чем свидетельствует его отчет о раскопках за этот год, план раскопанного участка некрополя, а также приложения к отчету М. И. Скубетова с описанием фресок в склепах № 2086 и № 2114 (*Косцюшко-Валюжинич К. К.* Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 г. // ИИАК. 1907. Вып. 25. С. 123–124. Табл. II).

⁶ *Скубетов М. И.* Проект реставрации фресок в склепе № 2114 // ИИАК. 1907. Вып. 25. С. 168–169; *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... С. 452, 455. Рис. 86; *Завадская И. А.* Декоративно-символическая система росписи херсонесских христианских склепов: проблемы хронологии и генезиса // МАИЭТ. 2005. Вып. 11. С. 278–279. Рис. 22.

остатков фресок, в том числе мужской фигуры на входной стене⁷. Самое полное описание склепа оставил М. И. Ростовцев, который посетил его в 1905 г.⁸ К настоящему времени росписи полностью утрачены⁹.

Единственное изображение человеческой фигуры в этом склепе находилось на правом простенке входной стены. Фигура высотой чуть больше метра (1,02 м) представляла собой молодого мужчину *en face*, в полный рост, со слегка выступающей левой ногой и руками, вытянутыми влево (к входу) (ил. 1, 1).

Ил. 1. Изображения слуг в склепах Херсонеса: 1 – склеп 1853/1905 г. (по: *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись...* 1913. Табл. CVI, 1); 2 – склеп 1909 г. (по: Там же. Табл. CV, 2); 3 – склеп на земле Н. И. Тура (по: *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись...* 1914. Рис. 88)

Fig. 1. Images of servants from the burial vaults of Chersonese: 1 – vault of the year 1853/1905 (after: *Rostovtsev M. I. Antichnaia dekorativnaia zhivopis...* 1913. Tabl. CVI, 1), 2 – vault of the year 1909 (after: *Ibid.* Tabl. CV, 2), 3 – vault on N. I. Tur's land (after: *Rostovtsev M. I. Antichnaia dekorativnaia zhivopis...* 1914. Fig. 88)

Он был изображен «в желтой тунике с длинными рукавами, не достигающей до колен и подпоясанной в талии», и в узких желтых штанах¹⁰. В вытянутых руках он держал предмет, изображение которого вместе с частью рук и тела не сохранилось. Утрачены также голова и нижняя часть ног. Фигура находилась около правой стены, единственной в склепе полностью расписанной, включая внутренние стены расположенной в ней ниши и лицевою поверхностью пяти закладных плит.

⁷ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России : атлас.* СПб., 1913. Табл. CVI, 1.

⁸ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись...* 1914. С. 452–458.

⁹ *Рішняк О., Садова О., Туровський Є., Філіппенко А. Некрополь Херсонеса Таврійського. Нові сторінки в історії досліджень.* Львів, 2012. С. 101.

¹⁰ *Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись...* 1914. С. 455.

Роспись представляла уже описанную систему, сочетающую мраморровку и растительные мотивы (дерево с шишками и плодами или виноградная лоза, на плитах – деревца с круглыми плодами). Внутри ниши на продольной стене был изображен пышный лавровый венок с цветами и шишками, на правой боковой стене – птица (павлин?). Наиболее значимой в данном склепе была роспись потолка: в центре в лавровом венке была помещена монограмма Христа с буквами А и Ω, от венка к углам потолка протянуты четыре лавровые гирлянды с разноцветными лентами. По мнению М. И. Ростовцева, вся роспись склепа была связана с погребением в нише правой стены особо почитаемого христианина, а возможно, и мученика¹¹.

Во многом похожей на данную была и роспись в *склепе, открытом в 1909 г.* вблизи четвертой куртины оборонительной стены, с северо-запада от городища. Сразу после открытия М. И. Скубетов описал и зарисовал остатки росписи. В 1910 г. М. В. Фармаковский сделал цветные копии¹². Записи М. И. Скубетова и собственные наблюдения М. И. Ростовцев использовал для описания склепа и его росписей в своей монографии, которая остается единственным опубликованным источником информации об этом памятнике¹³. Схема оформления потолка практически та же, что и в склепе 1853/1905 г., но дополненная изображениями павлина, канфара и виноградной ветви. Заполнение центрального венка не сохранилось, хотя не исключено, что и в нем была хризма. Изображение фигуры молодого человека находилось на задней (напротив входа) стене слева от ниши, заложенной кирпичными рядами и являвшейся, вероятно, главной в склепе. На момент фиксации хорошо сохранилась верхняя часть тела юноши, одетого в подпоясанную белую тунику с длинными рукавами. Лицо округлое, с короткими рыжими волосами¹⁴. В вытянутых влево (к главной нише) руках юноша держал большую зажженную свечу (ил. 1, 2). Склеп украшали также изображения двух голубей, по одному около ниш на правой и левой боковых стенах, а также прямоугольники, имитирующие кадры в нижней части стен.

Склеп на земле Н. И. Тура находился в частном владении на расстоянии более 400 м к юго-западу от городища¹⁵. Описание склепа и росписи на правой стене оставил Н. М. Печенкин, по заказу которого

¹¹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 457–458.

¹² Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1913. Табл. CV, 1, 2; CIX, 2.

¹³ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 466–469.

¹⁴ Там же. С. 468.

¹⁵ Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп IV в. с фресковой декоративной росписью близ Херсонеса (на земле Н. И. Тура), окончательно исследованный в ноябре 1912 г. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 177.

был сделан цветной рисунок этой росписи¹⁶. М. И. Скубетов, впервые увидевший склеп в 1894 г., провел его расчистку и детальное исследование в 1912 г. Он сделал план, разрезы и рисунки всех сохранившихся фрагментов росписи и подробно их описал¹⁷. М. И. Ростовцев, посетивший склеп вместе с М. И. Скубетовым, проанализировав материалы предшественников, составил наиболее полное описание архитектуры и росписей склепа¹⁸. В настоящее время точное местонахождение данного склепа не известно.

На момент фиксации росписи от сюжетной композиции на правой стене склепа частично сохранились две стоящие рядом фигуры – женщина *en face* и мужчина, повернутый вправо, по направлению к схематично изображенному городу с крепостными стенами в верхней части росписи. Нижняя часть росписи практически не сохранилась. С обеих сторон картину обрамляли растительные мотивы (вероятно, дерево, заросли тростника, цветы). Большие утраты не позволяют точно реконструировать эту композицию. Тем не менее, существуют разные интерпретации ее сюжета. По версии Н. М. Печенкина, на ней была представлена сцена из жития св. Феодора Стратилата, поразившего змея-дракона, остатки изображения которого якобы находились в нижней части фрески¹⁹. М. И. Скубетов видел на этом месте фрагменты павлиньего хвоста, а крепость он, так же как и А. Л. Бертье-Делагард, считал схематичным изображением Херсонеса, которое, по их мнению, указывало на то, что в этом склепе был похоронен «крупный стеностроитель или крепостной начальник»²⁰. М. И. Ростовцев предполагал, что на росписи мог быть изображен «какой-нибудь эпизод из библейской или евангельской истории», из жизни святого или мученика, или же обыкновенного христианина в райском саду²¹. Изображение города, по его мнению, могло быть как реалистическим (изображение Херсонеса), так и символическим. В. М. Зубарь, учитывая мнение М. И. Ростовцева, допускал, что на росписи представлены Мария и Иосиф, идущие в Вифлеем²². Не отрицая эту версию, С. Б. Сорочан предположил, что картина могла быть «изображением умерших, направляющихся к небес-

¹⁶ Печенкин Н. Роспись христианской катакомбы, находящейся близ Херсонеса, на земле Н. И. Тура // ИТУАК. 1912. № 48. С. 145–149.

¹⁷ Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп... С. 177–189; Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1913. Рис. 87–90.

¹⁸ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 472–480.

¹⁹ Печенкин Н. Роспись христианской катакомбы... С. 148.

²⁰ Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп... С. 184–185.

²¹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 479, 480.

²² Зубарь В. М., Хворостяной А. И. От язычества к христианству... С. 80.

ному Граду Господню, то есть в Рай», или «иллюстрацией к молитве за богоспасаемый город, в котором жили»²³. По мнению Л. Г. Хрушковой, на росписи были изображены «усопшие и, независимо от них – город», в котором она согласна видеть Херсонес²⁴.

Таким образом, все высказанные гипотезы сводятся к двум основным версиям: изображение либо связано с умершими и похороненными в этом склепе, либо является иллюстрацией житийного или библейского рассказа. Обе версии вполне допустимы, поскольку имеют немало аналогов в погребальной живописи в других регионах позднеантичного мира. Однако в кругу известных херсонесских склепов такая сюжетная роспись является единственной в своем роде, что позволило М. И. Ростовцеву назвать ее «не чисто гробничной, а полуцерковной росписью»²⁵. Учитывая уникальность для Херсонеса этой росписи и самого склепа, который на каком-то этапе, после совершившихся в нем захоронений, был перестроен в небольшую «церковку»²⁶, можно предположить, что картина на правой стене появилась в связи с преобразованием склепа в молельню. В таком случае сюжет мог быть связан с именем святого или мученика, в память которого и трансформировали склеп.

Остальные изображения в склепе на земле Н. И. Тура принадлежали периоду, когда он служил местом погребений и в полной мере соответствуют тематике росписей других раннехристианских склепов Херсонеса. Главную нишу, находившуюся в задней стене склепа и позже переделанную в своего рода алтарь, украшали два павлина, державших в клювах пышную лавровую гирлянду. На правой стене этой ниши были изображены голуби²⁷. Под нишей в левой стене фиксировались остатки, вероятно, пальмового венка²⁸. Скорее всего, и в этом склепе на потолке были нарисованы диагональные лавровые гирлянды и венки в центре²⁹. На правом простенке входной стены сохранилось изображение нижней части ног обутого в сандалии мужчины в направлении к входу (ил. 1, 3)³⁰.

²³ Сорочан С. Б. Византийский Херсон (вторая половина VI – первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. Харьков, 2005. С. 845.

²⁴ Хрушкова Л. Г. О живописи раннехристианских склепов в Крыму: сто лет после Михаила Ивановича Ростовцева // ТГЭ. 2008. Т. 42. С. 126.

²⁵ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 479.

²⁶ Там же. С. 473–474. Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп... С. 188.

²⁷ Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп... С. 181.

²⁸ Там же. С. 182. Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 476.

²⁹ Там же. С. 478.

³⁰ Там же. С. 478. Рис. 88, 5; Скубетов М. Древнехристианский фамильный склеп... С. 186.

Изображения трех фигур молодых мужчин (юношей) в упомянутых склепах очень похожи друг на друга, на что указывал и М. И. Ростовцев³¹. По сохранившимся фрагментам можно реконструировать их обобщенный облик. Скорее всего, все они были одеты в короткие (выше колен) туники с длинными рукавами и узкие штаны. В склепе на земле Н. И. Тура сохранился рисунок обуви – сандалии с ажурным плетением. Поза фигур, скорее всего, также была сходной: голова и корпус – анфас с вытянутыми влево руками, ноги повернуты влево – ко входу или к нише. Только в склепе 1909 г. в руках юноши сохранилось изображение горящей свечи. М. И. Ростовцев допускал, что в склепе 1853/1905 г. юноша мог держать блюдо или два предмета в каждой руке, но считал более вероятным, что фигуры из всех трех склепов держали в руках свечи³².

Внешнее сходство фигур юношей указывает на единообразие их функций в декоративных программах упомянутых склепов. М. И. Ростовцев связывал образы людей со свечами так же, как и рисунки просто зажженных свечей, с символикой погребального культа³³. Однако, подробно описывая фигуры в херсонесских склепах, он не конкретизирует их роль. Тем не менее, в его обзоре известных в то время памятников упомянуты мозаика из Туниса и фрагмент коптской ткани с изображениями фигур со свечами, которые, по мнению ученого, были призваны возжигать свечи для покойных или святых и таким образом почитать их³⁴. Отметим, что по одежде и позе мужчина, изображенный на коптской ткани, очень похож на юношей из херсонесских склепов.

Явно подчиненная роль подобных персонажей исключает вероятность того, что они могли быть «условным портретом» погребенных, как об этом пишет А. Е. Филиппов³⁵. Сохранившиеся на позднеантичных погребальных росписях изображения умерших имеют свои иконографические особенности. Их портреты занимали в гробнице наиболее важные места, как правило, на главной стене, в центре ниши или в аркосолии. Они изображались всегда в дорогой нарядной одежде строго фронтально в полный рост либо погрудно в венке или в медальоне. На некоторых росписях погребенные представлены в позе оранты в окружении райского сада, как, например, в гробницах IV в. в Верии (Северная Греция) и в Констанце/Томе (гробница Орант, Румыния)³⁶.

³¹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1914. С. 455, 469, 479.

³² Там же. С. 455, 479.

³³ Там же. С. 486.

³⁴ Там же. С. 490–491. Рис. 91.

³⁵ Филиппов А. Е. Росписи раннехристианских склепов Херсонеса Таврического в контексте художественной традиции: синтез с архитектурой, символика, литургическая основа // Очерки по истории христианского Херсонеса / отв. ред. С. А. Беляев. СПб., 2009. С. 262.

³⁶ Valeva J. La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive // Hortus Artium Medievalium. 2001. Vol. 7. P. 188–189. Fig. 54, 55.

Иногда их фигуры окружали святые, как в погребальной часовне V–VI вв. в Антинополе (Египет), где умершая Феодосия изображена с поднятыми руками между коптским святым Колуфой и Богородицей³⁷. Также в позе оранты в роскошных нарядах запечатлены Феотекн с женой и дочерью в аркосолии первой половины VI в. катакомб св. Януария в Неаполе (Италия). На росписях ряда гробниц IV в. умершие держат в руках предметы, несущие определенную символику. Вероятно, надежду на вечную жизнь выражали ветви лавра в руках христиан Флавия и Аурелии Евсторгии в гробнице Фессалоник первой половины IV в.³⁸ В гробнице V в. в Силистре (Болгария) погребенный изображен со свитком в руках, который так же, как и его костюм, указывает на высокий титул, полученный им при жизни от императора, а цветок в руках его жены, нарисованной рядом с ним, символизирует счастливую семейную жизнь³⁹. Со свитком в руках и в венке на голове изображена Элия Арисут, богатый портрет которой был помещен на продольной стене ниши в ее гробнице второй половины IV в. в Гаргареше (Северная Африка)⁴⁰. Погрудные портреты умерших родственников в круглых медальонах сохранились в семейных гробницах III в. в Пальмире («Гипогей трех братьев», Сирия) и в Ор-ха-Нере (Израиль)⁴¹.

Судя по этим примерам, гробницы с портретами погребенных принадлежали состоятельным людям из аристократических кругов общества. В росписи некоторых из них помимо фигур погребенных представлены также изображения их слуг. Одеты значительно скромнее, они держат в руках предназначенные для своих хозяев разного рода предметы и, как правило, направлены в сторону их изображений. Именно с этими персонажами можно соотнести юношей на росписях херсонесских склепов.

Изображения слуг с подношениями хорошо известны в позднеантичном искусстве по сценам банкетов в росписях и мозаиках римских домов⁴². Особенно популярна эта тема была в погребальных декорациях. Сюжет с погребальной трапезой, в котором слуги изображались стоящими рядом с умершими хозяевами, возлежащими на ложе перед накрытым

³⁷ Valeva J. La peinture funéraire... P. 189. Fig. 53.

³⁸ Μαρκή Ε. Η νεκρόπολη της Θεσσαλονίκης στους υστερορωμαϊκούς και παλαιοχριστιανικούς χρόνους (μέσα του 3ου έως μέσα του 8ου αι. μ.Χ.). Αθήνα, 2006. Σ. 138–140.

³⁹ Atanasov G. Late Antique Tomb in Durostorum-Silistra and its Master // Pontica. 2007. Т. 40. P. 447–458. 28; Valeva J. La peinture funéraire... P. 181.

⁴⁰ Bianchi-Bandinelli R. Rome. La fin de l'art antique. Paris, 1970. P. 264. Fig. 242–243.

⁴¹ Фармаковский Б. В. Живопись в Пальмире // ИРАИК. 1903. Т. 8. С. 180. Табл. XXIII–XXVI; Michaeli T. The Pictorial Program of the Tomb near Kibbutz Or-ha-Ner in Israel // Assaph Studies in Art History. 1998. Vol. 3. P. 37–76.

⁴² Dunbabin K. M. D. The Waiting Servant in Later Roman Art // American Journal of Philology. 2003. Т. 124. P. 445–449.

столом, отражен на многих погребальных стелах и саркофагах, а также в гробничных росписях. Как убедительно показала болгарская исследовательница Ю. Валева, со II–III вв. иконография этого сюжета постепенно трансформируется⁴³. Фигуры слуг, ранее подчеркнута небольших размеров, значительно увеличиваются и достигают, а иногда и превышают размеры своих патронов, примером чему служит изображение виночерпия в сюжете погребальной трапезы известной росписи склепа Сорака в Керчи⁴⁴. В гробницах конца III – начала IV в. в Анемуриуме (гробница В. I 16, Турция) и Пловдиве (Болгария) сцена трапезы с возлежащими умершими еще сохраняется, но слуги с подношениями (еды, напитков, цветов) уже помещены за ее рамками, на боковых стенах, а в Пловдивской гробнице – в отдельных прямоугольных рамах-ортостатах⁴⁵. В утраченной гробнице в Фессалонике, вблизи больницы св. Димитрия, вероятно, был похожий сюжет с двумя возлежащими перед круглым столом сотрапезниками на западной стене и тремя слугами с блюдами в руках на южной стене⁴⁶.

В IV в. появляются гробницы, в росписи которых больше нет стола и клине, а хозяева, как и их слуги, изображаются стоя, как правило, в отдельных рамах. В их числе уже упомянутая гробница в Силистре, где к центральному двойному портрету высокопоставленного чиновника и его жены обращены расположенные на трех стенах слуги – четыре девушки с туалетными принадлежностями госпожи и четыре юноши с деталями аристократического костюма своего хозяина (ил. 2, 1–3)⁴⁷. Очень близкий сюжет обнаруживается в гробнице последней трети IV в. в Оссеново (Болгария), роспись которой выполнена в примитивном графическом стиле⁴⁸. Все фигуры размещены в арочных рамах: жена в позе оранты и муж на западной главной стене, две служанки с подношениями на южной стене, со стороны хозяйки, и трое солдат в шлемах с щитами и копьями на северной стене, со стороны хозяина, очевидно, имевшего отношение к воинской службе. В росписи сербской гробницы в Бешке помимо трех слуг и служанки, обращенных к хозяину и его жене, присутствовали три богини судьбы (Парки)⁴⁹. В Виминациуме (Сербия) известны две гробницы IV в. с изображениями слуг.

⁴³ Valeva J. La peinture funéraire... P. 180–185.

⁴⁴ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись... 1913. Табл. LXXV, 4.

⁴⁵ Alföldi-Rosenbaum E. Anamur Nekropolis: the Necropolis of Anemurium. Ankara, 1971. P. 112–113; Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens / ed. R. Pillinger, V. Popova, B. Zimmermann. Wien, 1999. S. 42–45.

⁴⁶ Маркћ Е. Η νεκρόπολις... Σ. 141.

⁴⁷ Atanasov G. Late Antique Tomb... P. 448–450.

⁴⁸ Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien... P. 13–16.

⁴⁹ Popović I. Wall Painting of Late Antique Tombs in Sirmium and its Vicinity // Starinar. 2011. Vol. 61. P. 238–239; Valeva J. La peinture funéraire... P. 182–183.

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

Ил. 2. Росписи со слугами в гробницах Болгарии и Сербии: 1–3 – изображения слуг из гробницы в Силистре (Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien... Taf. 55–56), 4 – портрет госпожи и слуги из гробницы в Виминациуме (Grašar J. A., Tapavički-Ilić M. Mural Painting...), 5 – изображение слуги из гробницы в Бешке (Popović I. Wall Painting of Late Antique Tombs... Fig. 20)

Fig. 2. Paintings with servants in the tombs in Bulgaria and Serbia: 1–3 – images of servants from the tomb in Silistra (Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien... Taf. 55–56), 4 – portrait of a mistress and a servant from the tomb in Viminacium (Grašar J. A., Tapavički-Ilić M. Mural Painting...), 5 – image of a servant from the tomb in Beshka (Popović I. Wall Painting of Late Antique Tombs... Fig. 20)

В одной из них госпожа в костюме римской аристократки и слуга с хлебом на подносе в руках изображены на противоположных узких стенах (ил. 2, 4)⁵⁰. В «гробнице с купидонами» слуга и служанка, вероятно, были обращены к несохранившемуся портрету хозяев⁵¹.

⁵⁰ Grašar J. A., Tapavički-Ilić M. Mural Painting of a Roman Lady from Viminacium: From Roman Matron to the Modern Icon. URL: <https://exarc.net/issue-2015-2/int/mural-painting-roman-lady-viminacium-roman-matron-modern-icon> (дата обращения: 05.07.2021); Valeva J. La peinture funéraire... P. 182–183.

⁵¹ Grašar J. A., Nicolici E., Rogić D. "Tomb with Cupids" from Viminacium: a Contribution to Research of Construction, Iconography and Style // Starinar. 2013. T. 43. P. 83–84. <https://doi.org/10.2298/STA1363073A>

Сюжет с процессией слуг был также в росписи ряда других несохранившихся погребальных сооружений, в частности, в Сирмии (Сербия), Констанце (Румыния) и Сидоне (Ливан)⁵².

Как уже отмечалось, фигуры слуг в погребальной росписи вполне сопоставимы между собой и их статус легко определяется по одежде, позе и выполняемой ими роли. Внешне наиболее близкими херсонесским юношам являются образы слуг-мужчин из гробниц Силистры, Виминациума и Бешки, одетых в похожие подпоясанные туники длиной до колен с длинными рукавами (ил. 2). Однако в отличие от этих персонажей юноши из склепов Херсонеса держали горящие свечи. Фигуры слуг с большими горящими свечами в подсвечниках представлены по обе стороны ниши с портретом аристократки Элии Арисут в уже упоминавшейся гробнице в Гаргареше⁵³. Ее роспись значительно богаче и живописнее херсонесских памятников, что исключает прямую связь между ними. Тем не менее, присутствие в них персонажей с одинаковой функциональной нагрузкой свидетельствует о распространенности этих образов в позднеантичной погребальной живописи. В этой связи следует упомянуть также гробницу Нимф в Ашкелоне (Израиль) середины III в., в которой с обеих сторон от входа сохранились нижние части двух мужских фигур, одетых в короткие туники и плащи и обутых в сандалии⁵⁴. Обе фигуры направлены к входу, чем напоминают юношей из херсонесских склепов. Так же, как и в случае с херсонесскими изображениями, допускается, что фигуры из гробницы Нимф могли держать в руках факелы (свечи)⁵⁵. Подтверждением этому служит практика изображать у входа горящие свечи в некоторых погребальных сооружениях, в числе которых упомянутые гробницы в Силистре и в Ор-ха-Нере⁵⁶.

Выводы. Приведенные аналогии позволяют достаточно уверенно интерпретировать фигуры юношей из трех склепов Херсонеса как изображения слуг. Образы слуг и сюжеты с их участием были широко распространены в античном искусстве. Их присутствие в декоративных программах гробниц служило демонстрацией высокого социального статуса и роскошной жизни погребенных и, возможно, выражало надежду на такое же благополучие в загробном мире. На раннем этапе формиро-

⁵² Popović I. Wall Painting... P. 223–249; Valeva J. La peinture funéraire... P. 183–184.

⁵³ Bianchi-Bandinelli R. Rome. La fin de l'art antique. P. 264. Fig. 242.

⁵⁴ Michaeli T. The Iconographic Programme and Symbolism of the Tomb of the Nymphs at Ashkelon // La peinture funéraire antique IVe siècle av. J.-C. – IVe siècle ap. J.-C. Actes du VIIe Colloque de l'Association Internationale pour la Peinture Mural Antique (6–10 Octobre 1998, Saint-Romain-en-Gal – Vienne). Paris, 2001. P. 168. Fig. 10.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Atanasov G. Late Antique Tomb... P. 463. Fig. 4, 6. Michaeli T. The Pictorial Program... P. 40. Fig. 1.

вания христианского искусства сюжеты со слугами так же, как многие другие популярные изобразительные мотивы и символы, использовались и в росписи погребений приверженцев новой веры. Свидетельством этому являются херсонесские склепы, декорация которых включала и фигуры юношей-слуг, и монограмму Христа. Среди других упомянутых росписей с изображениями слуг только в гробнице Оссеново была начертана хризма (в круге над входом)⁵⁷. Однако фигуры слуг, так же как и некоторые другие символы земной роскоши (например, имитация мраморной облицовки), в христианской погребальной живописи не встречаются позднее IV в.⁵⁸ Скорее всего, конец IV в. является *terminus ante quem* и для создания росписей Херсонеса, включавших данные мотивы⁵⁹.

Как уже отмечалось, фигуры херсонесских юношей наиболее близки по стилю исполнения изображениям слуг из гробниц придумайских провинций. Скорее всего, появление этих образов в Херсонесе следует связывать с восточно-балканской художественной традицией⁶⁰. Сцена с шествием или процессией слуг была наиболее популярна на территории Фракии. Так же как и в Херсонесе, там сравнительно мало гробниц, в росписи которых есть изображения людей. Кроме погрудных изображений четырех архангелов в софийской гробнице № 9 и двух орант в райском саду в гробнице Констанцы⁶¹, остальные фигуры во фракийских гробничных росписях – это участники погребальной трапезы (Пловдив, Констанца) или шествия слуг (Силистра, Оссеново).

В херсонесских росписях от таких многофигурных процессий остается лишь одиночное изображение слуги. Скорее всего, херсонесские росписи с данными персонажами можно рассматривать как заключительный этап в трансформации сюжетов погребальной трапезы и шествия слуг. Отличие от упомянутых аналогий состоит и в том, что вместо подношений херсонесские юноши держали в руках горящие свечи. Как источник искусственного света, свечи имели глубокий символический смысл в греко-римском погребальном обряде, откуда они, наделенные новым значением, перешли и в христианскую культуру⁶².

⁵⁷ Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien... S. 14. Taf. 1. Abb. 2; Taf. 51. Abb. 3.

⁵⁸ Valeva J. La peinture funéraire... P. 181.

⁵⁹ Завадская И. А. Декоративно-символическая система росписи... С. 277.

⁶⁰ Завадская И. А. О происхождении раннехристианских росписей в склепах Херсонеса // ВДИ. 2021. Т. 81/2. С. 453–458.

⁶¹ Миятев К. Декоративната живопись на Софийския некропол. София, 1925. С. 86–106; Valeva J. La peinture funéraire... P. 188. Fig. 54.

⁶² Michaeli T. Funerary Lights in Painted Tombs in Israel: from Paganism to Christianity // Actas del IX Congreso Internacional de la Association Internationale pour la Peinture Murale Antique. Zaragoza – Calatayud, 21–25 septiembre 2004. Zaragoza ; Lausanne, 2007. P. 203–208.

Фигуры юношей-слуг, встречающих своих хозяев с горящими свечами в руках, были призваны освещать им загробный мир. Евангельское сопоставление света с Христом (Ин. 8:12) позволяет предположить, что изображения свечей в христианских гробницах могли символизировать божественный свет в Царствии Небесном.

REFERENCES

Alföldi-Rosenbaum, E. (1971). *Anamur Nekropolü: the Necropolis of Anemuri-um*. Ankara: Türk Tarih Kurumu.

Atanasov, G. (2007). Late Antique Tomb in Durostorum-Silistra and its Master. *Pontica*, 40, 447–468.

Bianchi-Bandinelli, R. (1970). *Rome. La fin de l'art antique*. Paris: Gallimard.

Dunbabin, K. M. D. (2003). The Waiting Servant in Later Roman Art. *American Journal of Philology*, 124, 443–468.

Farmakovsky, B. V. (1903). Zhivopis' v Palmire [Painting in Palmyra]. *Izvestiia Russkogo arkheologicheskogo instituta v Konstantinopole*, 8, 172–198.

Filippov, A. E. (2009). Rospisi rannekhristsianskikh sklepov Khersonesa Tavricheskogo v kontekste khudozhestvennoi traditsii: sintez s arkhitekturoi, simvolika, liturgicheskaiia osnova [Painting of the Early Christian Tombs of Tauric Chersonesos in the Context of Artistic Tradition: Synthesis with Architecture, Symbolism, Liturgical Basis]. In S. A. Belyaev (Ed.), *Ocherki po istorii khristianskogo Khersonesa* [Essays on the History of Christian Chersonesos] (pp. 193–318). St Petersburg: Aleteia.

Grašar, J. A., Nolić, E., & Rogić, D. (2013). “Tomb with Cupids” from Viminacium: a Contribution to Research of Construction, Iconography and Style. *Stari-nar*, 63, 73–100. <https://doi.org/10.2298/STA1363073A>

Grašar, J. A., & Tapavički-Ilić, M. (2015). *Mural Painting of a Roman Lady from Viminacium: From Roman Matron to the Modern Icon*. Retrieved from <https://exarc.net/issue-2015-2/int/mural-painting-roman-lady-viminacium-roman-matron-modern-icon>

Khrushkova, L. G. (2008). O zhivopisi rannekhristsianskikh sklepov v Krymu: sto let posle Mikhaila Ivanovicha Rostovtseva [On the Paintings in Early Christian Tombs in the Crimea: One Hundred Years after Mikhail Rostovtsev]. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 42, 121–132.

Kostiushko-Valiuzhinich, K. K. (1907). Otchet o raskopkakh v Khersonese Tavricheskom v 1905 g. [Report on Excavations in Tauric Chersonesos in 1905]. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 25, 67–165.

Marki, E. (2006). *He nekropole tes Tkhealonikes stus husteroromaikus kai palyaiokhristianikus khronus (mesa tu 3u eos mesa tu 8u ai. m.kh.)* [The Necropolis of Thessaloniki in the Late Roman and Early Christian Periods (from the Middle of the Third Century to the Middle of the Eight Century AD)]. Athens: Tameio Archaiologikwn Porwn kai Apallotriwsewn.

Michaeli, T. (1998). The Pictorial Program of the Tomb near Kibbutz Or-ha-Ner in Israel. *Assaph Studies in Art History*, 3, 37–76.

Michaeli, T. (2001). The Iconographic Programme and Symbolism of the Tomb of the Nymphs at Ashkelon. In *La Peinture Funéraire Antique IVe siècle av. J.-C. –*

Фигуративные изображения в живописи Херсонеса

IVe siècle ap. J.-C. Actes du VIIe Colloque de l'Association Internationale pour la Peinture Mural Antique (6–10 Octobre 1998, Saint-Romain-en-Gal – Vienne) (pp. 163–170). Paris: Edition Errance.

Michaeli, T. (2007). Funerary Lights in Painted Tombs in Israel: from Paganism to Christianity. *Actas del IX Congreso Internacional de la Asociación Internacional pour la Peinture Murale Antique. Zaragoza – Calatayud, 21–25 septiembere 2004* (pp. 203–208). Zaragoza; Lausanne: Edición científica de Carmen Guiral Pelegrin.

Miyatev, K. (1925). *Dekorativnata zhivopis na Sofiyskiya nekropol* [Decorative Painting of the Sofia Necropolis]. Sofia: Pridvorna pechatnitsa.

Pechenkin, N. (1912). Rospis' khristianskoi katakomby, nakhodiashcheisia bliz Khersonesa na zemle N. I. Tura [The Painting of a Christian Catacomb Located Near Chersonesos, on the Property of N. I. Tur]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 48, 145–149.

Pillinger, R., Popova V., & Zimmermann, B. (Eds.). (1999). *Corpus der Spätantiken und Frühchristlichen Wandmalereien Bulgariens*. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

Popović, I. (2011). Wall Painting of Late Antique Tombs in Sirmium and its Vicinity. *Starinar*, 61, 223–249.

Rishnyak, O., Sadova, O., Turovsky, E., & Filippenko, A. (2012). *Nekropol' Khersonesa Tavriyskogo. Novi storinky v istorii' doslidzhen'* [Necropolis of Chersonesos Tauric. New Pages in the History of Research]. Lviv: [s. n.].

Rostovtsev, M. I. (1913). *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. Atlas* [Antique Decorative Painting in the South of Russia. Atlas]. St Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii.

Rostovtsev, M. I. (1914). *Antichnaia dekorativnaia zhivopis' na iuge Rossii. T. I: Opisaniie i issledovanie pamiatnikov* [Antique Decorative Painting in the South of Russia. Text. Vol. 1: Description and Researches of the Monuments]. St Petersburg: Izdanie Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii.

Skubetov, M. I. (1907). Proekt restavratsii fresok v sklepe No 2114 [Restoration Project of Frescoes in the Tomb No 2114]. *Izvestiia Imperatorskoi Arkheologicheskoi komissii*, 25, 168–169.

Skubetov, M. I. (1916). Drevnekhristianskii familnyi sklep IV v. s freskovoi dekorativnoi rospisiu bliz Khersonesa (na zemle N. I. Tura), okonchatel'no dosledovannyi v noiabre 1912 g. [An Ancient Christian Family Tomb of the Fourth Century with Decorative Fresco Painting near Chersonesos (on the Property of N. I. Tur) Studied in November 1912]. *Izvestiia Tavricheskoi uchenoi arkhivnoi komissii*, 53, 177–189.

Sorochan, S. B. (2005). *Vizantiiskii Kherson (vtoraia polovina VI – pervaiia polovina X vv.). Ocherki istorii i kul'tury* [Byzantine Cherson (Second Half of the Sixth to the First Half of the Tenth Century). Essays on the History and Culture]. Kharkov: Maidan Publ.

Stupko, M. V., Turovsky, E. Ya., & Filippenko, A. A. (2007). O sud'bakh raspisnykh sklepov pervykh khristian Khersonesa [On the Fate of the Painted Tombs of the First Christians of Chersonesos]. *Sacrum et Profanum III. Nebesnye patrony i zemnye sluzhiteli kulta* [Sacrum et Profanum III. Heavenly Patrons and Earthly Ministers of Religion] (pp. 189–192). Sevastopol: Maksim.

И. А. Завадская

Valeva, J. (2001). La peinture funéraire dans les provinces orientales de l'Empire Romain dans l'Antiquité tardive. *Hortus Artium Medievaliu*, 7, 167–208.

Zavadskaya, I. A. (2005). Dekorativno-simvolicheskaia sistema rospisi khersonesskikh khristianskikh sklepov: problemy khronologii i genezisa [Decorative–Symbolic System of Painting in Chersonesos Christian Tombs: Aspects of Chronology and Genesis]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 11, 258–288.

Zavadskaya, I. A. (2021). O proiskhozhdenii rannekhristsianskikh rospisei v sklepakh Khersonesa [On the Origin of the Early Christian Paintings in Chersonesos Tombs]. *Vestnik drevney istorii*, 81 (2), 439–462. <https://doi.org/10.31857/S032103910010623-8>

Zubar, V. M., & Khvorostianyi, A. I. (2000). *Ot iazychestva k khristianstvu. Nachalnyy etap proniknoveniia i utverzhdeniia khristianstva na iuge Ukrainy (vtoraia polovina III – pervaiia polovina VI v.)* [From Paganism to Christianity. The Initial Stage of Penetration and Confirmation of Christianity in the South of Ukraine (the Second Half of the Third – the First Half of the Sixth Centuries)]. Kiev: Institut arkheologii Natsional'noi Akademii nauk Ukrainy.

Завадская Ирина Анатольевна
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского
295007, Симферополь,
пр. Вернадского, 4
E-mail: zavadskaya_irina@mail.ru

Zavadskaya, Irina Anatol'evna
PhD (History), Leading Researcher
V. I. Vernadsky Crimean Federal University
4 Vernadsky Ave, 295007, Simferopol,
Russia
Email: zavadskaya_irina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3915-136X>
ResearcherID: Y-8383-2018
Scopus AuthorID: 57216349062